

Кто хоть раз видел телепередачу "Я сама", не мог не обратить внимания на эту примечательную женщину, выступающую здесь в роли пронизательного и насмешливого эксперта. Или, точнее, резонера. Театральное определение напрашивается не случайно, ведь по профессии Мария Арбатова — драматург. А по убеждениям — феминистка (вы их у нас вообще много встречали?). Канун 8 Марта — самое время для встречи с ней в нашем клубе, хотя сразу предупреждаю: общение с Марией Арбатовой — не для нежных душ.

Мария АРБАТОВА:

Брак Пугачевой с Киркоровым — пример для миллионов женщин

Возв. клуб. - 1996. - 2 марта. - с. 8.

— Я слышал такое суждение: в нашем обществе дефицит настоящих женщин. Вы согласны?

— Наши проблемы связаны не с количеством настоящих женщин, а с табу на женственность. Например, литература, где присутствует тематика, которую может знать только женщина, воспринимается обществом в штыки. Если вы описываете роды, аборт, половую жизнь глазами женщины, то говорят, оставьте эту гинекологию. Предпочитают умильно представлять себе роды по описанию Льва Толстого.

— Реальные роды — дело, по мне, и впрямь жутковатое. Вот и возникает невольное отторжение.

— Отношение общества к родам — один из опорных пунктов фаллократического мира, в котором нарушены права женщин. К беременной женщине относятся как к существу, неудобному и малоценному для социума, ее абсолютно не оберегают. И в роддоме у нас сервис — как в поле, в борозде. Отсюда в сознание внедряется логика, что жизнь ребенка стоит очень мало. Впоследствии это вырастает в нарушение прав человека в диапазоне от наказаний в детском саду до неуставных отношений в армии. Посмотрите на последний армейский призыв. В какой-нибудь Папуа — Гвинея все бы попрыгали на гальмах, в Ниле бы отсиживались, а у нас идут на бойню с открытыми глазами, десять тысяч уже погибших в Чечне мальчиков обещают демографическую дыру, которую уже не залатать, даже если к нам приедут все турецкие строители и польские "челноки". Что уж говорить о десяти тысячах матерей, отпустивших их в армию, о женщинах, у которых забит инстинкт материнства, раз они отдадут свою дочку, хоть уже и объяснили, что это не война, а попросту — газовая камера.

— Общество калечит женскую психику, женскую натуру, а феминизм направлен на возрождение женщины в плане социальном и личностном, так? Это движение уже добилось известных успехов на Западе. Но не приводит ли феминизм к искажению женского естества? Я одно время имел возможность довольно пристально наблюдать британских женщин — и это, надо сказать, такие чуддры...

— Я в Англии видела достаточное число привлекательных женщин, но, конечно, это всегда были метиски. Вообще я считаю, с Европой большие проблемы: когда там бываю — у меня ощущение такого, знаете, запаха кремации. Сразу ощущение, что я в тюрьме, в больнице, в исправительно-трудовом учреждении... А вы, наверное, имеете в виду издержки радикального феминизма?

— Ну да: у меня, грубо говоря, такое ощущение, что они достукались.

— Ну не все. Какие-то действительно дофеминизировались до того, что стали как бы мужененавистницами. Но этот процент очень невелик — не больше процента старых дев, которые всегда были и всегда будут. Почему-то у нас всегда, говоря о феминизме, умножают на сто его недостатки и делят на сто его завоевания. К примеру, разве плохо, если женщина таких убеждений до 40 лет не волнуется, выйдет она замуж или нет? Она совершенно свободна от того, что общество в связи с незаемством считает ее неудачницей и все время тычет ей этим в рожу. Она в 40 лет, если находит, от кого родить, — рождает, а если не находит, спокойно идет в банк спермы.

— Гадость какая.

— Это ее выбор, понимаете? Имеет право. А что: лучше когда сидела всю жизнь и никого не рожала — имея желание?

— Оно конечно. Вы уж извините, что я отчасти, как говорят на Западе, "мэйл шовинист пиг" — мужская шовинистическая свинья...

— А что до чуддры — запад так мощно перекормил своих баб женской индустрией — покупайте помаду от Синди Кроуфорд и вас будут хотеть мужчины, — что естественно идет обратная реакция. У нас-то этого еще не объелись.

— Они там постоянно выступают против показа женского тела в рекламе — хотя ведь это способ и доступный, и привлекательный. Жалко им, что ли?

— Я, в общем, считаю, что накладывать табу на рекламу нельзя — надо просто следить за тем, чтобы не было дискриминации. Мне все время показывают по ТВ голые женские ноги и груди. Ребята, я же не лесбиянка, показывайте мне голых мужиков — хотя бы половину экранного времени. Тогда я не буду считать себя дискриминированной, ведь я такой же налогоплательщик, как и мужчины.

Женщины гораздо красивее.

— Но это — на ваш взгляд. На красивую голую женщину я могу посмотреть в зеркале — зачем для этого включать телевизор? Я за то, чтобы эмоционально обслуживался не только мужчина, но и женщина. В том числе и в сексуальном плане: нужно, чтобы решались половые проблемы в нашей стране, где постхристианские запреты помножены на совдеповскую двойную мораль. Пусть открывают публичные дома, на здоровье, но только пусть там будут и девочки, и мальчики.

— Справедливо. Но кому-то это может показаться в диковинку. У нас ведь до сих пор бытует мнение — сродни точке зрения Дюма-сына: "Женщина — существо ограниченное, пассивное, подчиненное, живущее в постоянном ожидании".

— У меня есть определенный круг знакомых женщин — преуспевающих бизнес-вумен, очень занятых, с радиотелефонами в сумочках. У всех престижные мужья, но при этом у них есть еще какие-то юные мальчики, которых они спонсируют. То есть абсолютная зеркальная модель преуспевающего мужчины.

— Спонсируют?

— Понимаете, покупать — это возможность сбросить напряжение, это удобно. Отношения все равно сложатся — они складываются и у клиента с проституткой, и у наильника с жертвой. Без отношений — только резинового кукла. Но обычно смотришь на мужика или там на юношу и думаешь: это ведь так хлопотно, нужно время выслушать все его проблемы, облизать все его комплексы... Ой, лучше не надо!

— Ой, с вами тоже хлопот не оберешься.

— Конечно. Берешь на себя лишние проблемы. Будешь потом думать: вот, мама у него заболела, а его бывшую жену надо замуж выдать, а ребенку его репетитора найти, а то из школы выгонят... То есть получается как бы параллельная семья. А этого не хочется. Потому что когда у тебя карьера и семья, тебе просто некогда.

— А за деньги проще.

— Наши бизнес-вумен ведь так зарабатывают — могут иметь гарем. Вопрос в том, что они еще не очень позволяют делать это в открытую, учитывая отношение общества. Но достаточно одной сорваться с цепи... Вот помню, у меня был период между браками, когда я, что называется, пошла по молоденьким мальчикам. И подруги мне начали говорить: да ты с ума сошла, да у тебя сыновья, да он же ребенок...

— Зато он гиперсексуален.

— Это еще на самом деле не доказано — тут все очень индивидуально. Потом смотрю: у одной появился студент, у другой студент, у третьей... То есть мной в этой компании в каком-то смысле было снято табу.

— Люди к хорошему быстро привыкают.

— И я считаю, что брак Пугачевой с Киркоровым — очень большое завоевание феминизма. Мы просто никогда не пьались интерпретировать его именно так, а не как дешевую поповскую радость. Миллионы простых женщин из народа, которые себя идентифицируют с Пугачевой — причисляются под нее, одеваются, учат песни наизусть, — они теперь понимают, что им тоже можно с молоденькими. Ведь, с одной стороны, сидят и кукуют сексуально необслуженные женщины, которым за 30, а с другой — бродят полки юных мальчиков. Эти люди вполне могут найти друг друга.

— То есть вы за женщин наступательных?

— Почему феминизм всегда связывают с агрессивностью и с бойцовскими качествами? Феминизм — это только работа в области прав человека.

— Таков, наверное, стереотип восприятия.

— Ну так это самое — ешьте сами свои стереотипы! Вот почему-то правозащитник Ковалев никому не кажется фигурой агрессивной.

— Грачеву кажется.

— Вот только Грачеву. Так и феминистки — чисто правозащитная деятельность.

— Вы возглавляете феминистский клуб "Гармония", который сейчас приютил ЦДРИ. Дрессируете там женщин на феминисток?

— В нашем клубе мы реабилитируем тех, кто не находится в кризисном состоянии, а просто хотел бы немножко изменить свою жизнь. Учим женщину не быть гостем в своем теле, которое у нее совершенно табуировано. Как правило, это женщина, которая не ощущает себя психологически представителем пола, просто некий механизм по деланию карьеры, рожанию и возвращению детей. Она чувствует себя танком, бронепиком, выполняющим свои функции как посудомоечная машина или моющий пылесос. Прежде всего в нашем клубе происходит пластическая реабилитация. Они в клуб приходят — и здесь их любят, и они сами себя начинают любить. Здесь можно решить

какие-то психологические проблемы. Мы отслеживаем, как в результате меняется их биография. Уходят из браков, в которых их унижают, налаживаются отношения с детьми, идет в гору карьера. Клуб помогает женщине поднять свою самооценку.

— Маша, а вы играли в детстве в какие-то мальчишеские игры?

— Да. Но кто сказал, что девочкам нужно играть в куклы?

— Воспитывать инстинкт материнства — так считается.

— Я знаю массу женщин, которые вообще ничем, кроме кукол, свои мозги не отягощали, — и какими же они оказались сволочными матерями! Потому что ребенок для них никогда не был человеком, а только куклой. У меня было очень тяжелое детство, сплошной концлагерь: полиомиелит, лет до пяти — по больницам, тяжелейшие операции, три года в специнтернате...

— Это такая детская птюря по сути?

— Это ГУЛАГ. Зона. И литература для меня была тем, что как бы никто не мог отнять. Мои "секретики".

— Почему вы сделали именно драматургом?

— Вообще я довольно долго ощущала себя поэтической. А драматургом, я считаю, меня сделал Гриша Остер. Безумно обидно — он же был очень обещающим поэтом, у него были совершенно классные стихи, но повернул на 180 градусов и сказал в свое время — а мы все тогда были нищие, голодные, оборванные: "Вот спорим — я сюда через два года приеду на красных "жигулях"?" И приехал — через год. Но для этого стал детским писателем. И вот я училась на философском факультете и собиралась подавать стихи на творческий конкурс в Литинститут. А Гриша говорит: ты туда на поэзию не поступишь, там "паровозы" нужны — ну там про БАМ и всякое такое. Сядь, говорит, напиши за ночь пьесу — и поступишь на семинар драматургии к Розову и Вишневецкой. — "Гриш, но я не умею писать пьесы". Он: "Значит, так: Шекспир в доме есть?" А Шекспир — это первая книжка, которую я прочла, научившись читать в пять лет: толстый коричневый том с золотым тиснением тяжелей меня. Тогда я ничего не поняла, но меня страшно увлекла красота этой книжки. "Вот — берешь Шекспира, открываешь: здесь — кто говорит, а здесь — что говорит. Чтобы завтра к утру была пьеса". И я действительно написала пьесу за ночь и поступила в Литинститут.

— И сразу пошла пьесы?

— На первом курсе у меня родились близнецы — и мне было особенно не до занятий: то один болел, то другой. Но я писала как сумасшедшая — по пьесе в год. Дети опали днем полтора часа, я развозила их кровати в разные комнаты, чтобы они не будили друг друга, и, лежа на полу в холле, писала. Поэтому не могу сегодня сказать своим детям: вот, я лишилась из-за вас всего, поэтому, значит, извольте быть передо мной всегда виноватыми. Но Розов, получая профессорскую зарплату, ни разу не прочитал моих пьес! Он даже отзыв на мой диплом написал, не прочитав его, — фантастика. И когда спрашивают, чему меня учили в Литинституте, я отвечаю: цинизму.

— О чем же были ваши литинститутские пьесы?

— До появления Горбачева ни одна моя пьеса не имела "лита". Оказывается, я писала пьесы откровенной феминистки, но как господин Журден, который не знал, что говорит прозой. Сотрудники Министерства культуры густо краснели и говорили: как же вам не стыдно, вы же пишете про аборт, у вас главная героиня гинеколог — ну сделайте ее инженером, космонавтом. То есть я попала в лапы фаллократической цензуры. А у меня основной мотив творчества — разрушение женщины обществом.

— Сразу двое детей на первом курсе... Успели хоть похипповать?

— Я похипповала как никто! Я же была в "системе" московской. Лет в 15 уже ушла из дому и начала такую богемно-хипповскую жизнь, которая прервалась после рождения детей. Но по крышам мы погуляли!

— На Петровском бульваре хорошие были крыши... Маша, а каково вам работается на ТВ?

— Я думала, что я такая вот умница-красавица, сейчас сяду и буду вещать, а потом увидела, что ничего подобного. Не такая уж умница и не такая уж красавица — и в общем, проработав там год, считаю себя человеком, только приближающимся к профессионализму. А тещавая по этому поводу у меня нет — оно у меня совсем в другом месте. И когда меня спрашивают, что мне дало ТВ, то говорю: я испортила кожу гримом.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.